

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОТСТАВНЫХ МИНИСТРОВ И ИХ ПРЕЕМНИКОВ В НАЧАЛЕ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III (ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ, Д.А. МИЛЮТИН, М.Т. ЛОРИС-МЕЛИКОВ)

DOI: 10.25629/НС.2018.07. __

ПРИЛУЦКАЯ А.Б.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва

Аннотация. В статье рассматриваются особенности взаимоотношений трех крупных политических деятелей, покинувших свои посты в результате «министерского кризиса» весны 1881 г. – великого князя Константина Николаевича, Д.А. Милютина и М.Т. Лорис-Меликова – с их преемниками по ведомствам. На основе источников личного происхождения анализируются ситуации, когда отставные министры так или иначе контактировали со «своими» ведомствами. Давняя дружба Лорис-Меликова с его преемником на посту министра внутренних дел Н.П. Игнатьевым обусловила их дружеское общение. Находящие в более непростых отношениях со своими преемниками Константин Николаевич и Милютин больше общались со своими коллегами более низкого ранга, однако их авторитет в профессиональной среде и традиция чтения отрывков из писем широкому кругу лиц давала им возможность донести свои мысли и впечатления о происходящем в столице до руководителей ведомств. Понимание того, как выстраивалось общение отставных министров с руководством «их» министерств, как они реагировали на официальные и неофициальные обращения к ним, как использовали свое отставное положение, дает материал для ответа на вопрос о том, насколько сильным была заинтересованность этих деятелей в продолжении политической деятельности после отставки.

Ключевые слова: Российская империя, бюрократия, отставные сановники, «министерский кризис» 1881 г., переписка, великий князь Константин Николаевич, Д.А. Милютин, М.Т. Лорис-Меликов.

Введение

Первые годы правления императора Александра III без сомнения можно назвать эпохой кадровых перестановок: уже в первые месяцы свои посты покинули сразу несколько деятелей «великих реформ», которые долгое время возглавляли важнейшие ведомства – военный министр Д.А. Милютин, глава морского ведомства и председатель Государственного совета великий князь Константин Николаевич, личный друг Александра II министр императорского двора А.В. Адлерберг; были уволены также министр финансов А.А. Абаза и министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, а чуть позже – председатель Комитета министров П.А. Валуев.

В свете ухода с высоких постов целой плеяды ярких политических деятелей прошлого царствования, большинство из которых имели собственное, довольно четкое видение перспектив развития ведомств, руководителями которых они долгое время были, трудно представить себе, чтобы их политическая энергия после отставок иссякла. Понять, сохранили ли отставные сановники интерес к «своим» ведомствам, можно попытаться, рассмотрев их взаимоотношения с новым руководством, преемниками на постах, а также с оставшимися на службе коллегами. Речь пойдет о «профессиональных» притязаниях после отставки тех из отставных деятелей высшего звена, кто не только завершил официально политическую карьеру, но и довольно долгое время уехал из Петербурга – великого князя Константина Николаевича, Д.А. Милютина и М.Т. Лорис-Меликова. Великий князь и Милютин уехали в свои крымские имения; хотя зимние месяцы великий князь проводил за границей, в столицу он не возвращался вплоть до кануна торжества коронавания Александра III в мае 1883 г.; Лорис-Меликов в основном жил за границей, периодически приезжая в столицу. Отъезд из Петербурга способствовал появлению довольно большого массива личной переписки отставных деятелей с оставшимися в столице коллегами и знакомыми. Вместе с дневниками и воспоминаниями эта переписка и составила источниковую базу этой статьи.

Руководители бывшие и нынешние: особенности увольнений и назначений

Едва ли не для всех перечисленных сановников назначение на их место конкретных деятелей не было внезапным, хотя вокруг этих ключевых назначений и увольнений ходило немало самых разнообразных слухов. Кандидатуру преемника Д.А. Милютин Александр III лично обсуждал с военным министром в течении мая 1881 г. Император выдвигал кандидатуру генерала П.С. Ванновского (который в итоге и был назначен на пост военного министра); Милютин же говорил, в частности, о генералах Альбединском, Исакове и Кауфмане. Назначение Ванновского военный министр не одобрял в том числе потому, что тот был «моложе в чине многих из начальствующих лиц в министерстве» (Милютин 1879-1881, 2010, с. 332–333).

Особняком стоят взаимоотношения с преемниками великого князя Константина Николаевича: на оба его поста были назначены его родственники. Младший брат, великий князь Михаил Николаевич, стал председателем Государственного совета; племянник, великий князь Алексей Александрович – главой морского ведомства. Непростые взаимоотношения Константина Николаевича с вступившем на престол императором во многом обусловили трудности с документальным оформлением отставки великого князя. Не желая следовать совету Александра III и подать прошение об отставке «по собственному желанию», Константин Николаевич ссылаясь на завет своего отца, императора Николая I, о том, великие князья должны служить всю жизнь.

Эмоции Константина Николаевича по поводу назначения родственников довольно сильно различались. Адмирал И.А. Шестаков в своих воспоминаниях приводит слова великого князя, сказанные после отставки: “Пусть бы отняли флот, понимаю, что нужно дать место Алексею, но выгонять меня из Государственного совета, где государь сидел со мной и следил за моими действиями лично, этого я не ожидал” (Шестаков, 2006, с. 734). В то же время ситуация с назначением племянника главой морского ведомства виделась Константином Николаевичем очень не красивой по отношению к нему самому. Дело в том, что изначально Константин Николаевич все же планировал вернуться в столицу после своего отъезда оттуда в середине мая 1881, желая сохранить свой пост хотя бы до 50-летнего юбилея своего генерал-адмиральства в августе 1881 г. Однако во время своего пребывания в Крыму он выяснил, что Алексей был назначен на его место не в качестве временного исполняющего обязанности, а уже в качестве нового руководителя ведомства. В письме к члену Государственного совета и своему бывшему секретарю А.В. Головнину великий князь сетовал: “Я к этому исходу был уже подготовлен с самого 1-го марта. Но сюрпризом для меня было то, что эта давно ожидаемая развязка разыгралась теперь. Я полагал, что она отсрочена до конца августа месяца, до моего 50-летнего юбилея генерал-адмиральства. ...Зачем же было выражать при этом назначении, что оно на время моего отсутствия, если желают меня уволить теперь же. Гораздо проще было бы не торопиться этим назначением, а выждать моего ответа ...и затем его же уже назначить окончательно” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1118. Л. 3–Зоб.). Подобное недоразумение не могло, как думается, не сказаться на особенностях взаимоотношений двух великих князей, хотя, по свидетельству управляющего морским министерством А.А. Пешурова, именно великий князь Алексей Александрович настоял на том, чтобы были соблюдены приличия при его назначении, отчего и появился такой своеобразный «переходный период» (Коршунов, 2003, с. 270).

Гораздо более теплыми были отношения Константина Николаевича к брату, великому князю Михаилу Николаевичу. В письме к Головнину отставной великий князь с горечью писал: “Государь тебе объяснял необходимость моего устранения тем, что при новом направлении нужны и новые деятели. И так выходит, что Константин есть старый, ненужный деятель, а Михаил есть деятель новый, пригодный” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1118. Л. 97об.). В то же время, объясняя выбор брата императором особенностями характера Михаила Николаевича, Константин Николаевич уже по прошествии времени писал Головнину: “брат Миша гораздо лучше меня заменяет в Совете, чем Алексей в морском деле” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1120. Л. 3).

Можно сказать, что отставка Милютина едва ли не самой спокойной в череде увольнений «министерского кризиса», а отставка Константина Николаевича – самой необычной. Сам великий князь с некоторой гордостью заявлял в письме к Головнину: “Интересная, еще никогда не бывавшая страница вписана в историю России. Опальные князья бывали в царские времена, бывали опальные сановники во всякие эпохи, но опального великого князя еще, сколько мне помнится, еще никогда не бывало. Мне выпала честь обновить это звание в истории” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1118. Л. 10). Однако наиболее громкими увольнениями этой поры были, без сомнения, отставки министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова и министра финансов А.А. Абазы, последовавшие за публикацией манифеста 29 апреля 1881 г. «о неизбежности самодержавия». С назначенным на его пост Н.П. Игнатьевым Лорис-Меликов поддерживал дружеские отношения; в личной переписке оба называли друг друга на «ты», а сам Лорис-Меликов поддерживал кандидатуру Игнатьева на пост министра внутренних дел (Зайончковский, 1964, с. 342).

Переписка как информационный канал: выбор корреспондентов

Удалившись из столицы, великий князь Константин Николаевич, Милютин и Лорис-Меликов потеряли возможность получать сведения о происходящем в Петербурге из первых уст. В таких условиях основным каналом получения информации, кроме прессы и личного общения с приезжающими, для них становится переписка. Ее интенсивность, характер и набор адресатов могут многое сказать о том, в какой степени отставных сановников продолжала интересовать политическая деятельность. Лидером в этом плане из трех бывших руководителей министерств без сомнения был великий князь Константин Николаевич. На переписку и дневниковые записи у него уходила значительная часть дня; в октябре 1882 г. он писал Головнину, что ему “никогда в жизни...вообще не приходилось так много писать, как в эти полтора года”. Он признается, что “писал...в эти дни только неотложные, деловые письма, но ни Мите [великому князю Дмитрию Константиновичу – А.П.], ни Грейгу, ни Перетцу...отвечать не имел досуга” (ГАРФ. Ф.722. Оп.1. Ед. хр. 1120. Л. 168). Основным корреспондентом великого князя был уже упоминавшийся А.В. Головнин (Шевырев, 2011, с. 201–206), который едва ли не своей главной целью считал сбор информации о происходящем в столице для своего бывшего патрона. Головнин пересылал великому князю то, что ему удавалось узнать по поводу морского ведомства, однако в основном из писем Головнина великий князь получал информацию о другом своем детище – Государственном совете. Менее личной была переписка великого князя с чинами морского министерства – адмиралами Грейгом, Поповым, Лесовским.

Не меньшую роль в жизни после отставки играла переписка с Головниным и для Д.А. Милютина. Не отличающийся таким большим числом корреспондентов, как великий князь, Милютин писал Головнину: “Ваши письма составляют единственную между мною и столичным миром соединительную черту... Без вас я решительно ничего не знал бы о том, что творится на берегах нашей Гароны” (НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Д. 90. Л. 1). В письмах, помимо описаний заседаний Государственного совета, присутствуют вырезки из петербургских газет, рассказывающих о ситуации в военном ведомстве. Гораздо менее обширной была переписка Милютина с его коллегой Н.Н. Обручевым, назначенным в 1881 г. начальником Главного штаба.

Что же касается Лорис-Меликова, то основными его корреспондентами во время проживания за границей были М.С. Каханов (темами их писем были кадровые перемещения и описание заседаний Государственного совета) и Н.П. Игнатьев; последняя переписка была более личной. Бывший министр внутренних дел был единственным из рассматриваемых сановников, переписка которого с преемником на его посту составляла более-менее значительный объем от всей переписки.

Сам характер переписки во многом показывал, какими событиями и ведомствами интересовались отставные сановники. Особенно интересна ситуация с перепиской Головнина и Милютина. Последний в первые месяцы после отставки пытался оградить себя от информации о происходящем в столице. В этом плане он отличался от великого князя; сравнивая их позиции,

Милютин писал Головнину: “Его высочество интересуется всем, что делается в Петербурге. В этом отношении мы с ним совершенно расходимся: я стараюсь не только не знать, что там творится, но даже позабыть все причины” (НИОР РГБ. Ф. 169 Карт. 51. Д 88. Л. 5об.). Головнин не оставлял попыток вернуть бывшему военному министру интерес к происходящему, пытаясь прорвать столь старательно создаваемый им «информационный вакуум». Получая письма Милютина с откровениями, что тот ничего не желает знать о происходящем в Петербурге, Головнин периодически присылал ему не только подробнейшие описания хода заседаний Государственного совета, но и газетные вырезки. Не обратить внимание на последние Милютин просто не мог: именно в это время в ряде газет были опубликованы критические заметки, негативно оценивающие в том числе и военную составляющую «великих реформ». Именно Головнин уговорил Милютина стать автором анонимной статьи в «Вестнике Европы» о военных реформах прошлого царствования; хлопоты по изданию, включая общение с типографией, Головнин также взял на себя. Правда, продолжать работу над статьями Милютин отказался (изначально планировалось издать целую брошюру), однако интерес к происходящему в военном ведомстве сохранил. Свой отказ он объяснял отсутствием под рукой в Симеизе, его крымском имении, необходимых документов, и отсылал Головнина к своим оставшимся в Петербурге коллегам.

Судьбы коллег и «прощание» с ведомствами

Один из вопросов, по которому отставные деятели могли обращаться к руководству «своих» ведомств, была забота о судьбах сотрудников уволенных министров. Все три сановника этот вопрос решали по-своему.

Военный министр озаботился судьбой своих коллег еще до увольнения, попросив за них самого императора: “если выбор Вашего Величества остановится окончательно на Ванновском, – излагал он в дневнике свой диалог с Александром III во время обсуждения кандидатуры нового военного министра, – то я буду об одном убедительно просить – обратить милостивое Ваше внимание на моих ближайших сотрудников, которые не могут остаться на теперешних своих местах. Позвольте надеяться, что Ваше Величество всех их пристроите достойным образом; все они усердно, полезно и много трудились вместе со мною и, точно так же, как и я, нуждаются в отдыхе” (Милютин 1879–1881, 2010, с. 333–334). В эти дни Милютин очень переживал за судьбу Н.Н. Обручева, с горечью записывая в дневнике: “В последние годы Обручев был для меня одним из самых полезных и даровитых сотрудников. Если с выходом моим устроят и его, если не воспользуются таким человеком, каких у нас очень немного, то будет и жалко для России, и постыдно для нового правительства” (Милютин 1879–1881, 2010, с. 329). Правда, в этом случае никаких конкретных действий Милютин не предпринял, хотя впоследствии и считал назначение Обручева начальником Главного штаба недостаточным уважением к заслугам своего коллеги.

Слух о просьбах Милютина распространился по Петербургу и даже несколько трансформировался; А.В. Головнин в письме к Константину Николаевичу с восторгом замечал, что военный министр при увольнении “испросил для своих главных сотрудников разные награды согласно желанию каждого”. Этому примеру Головнин призывал последовать и великого князя, который из-за непростых взаимоотношений с царственным племянником был даже лишен возможности «попрощаться» с флотом. В качестве такового прощания Головнин предложил написать великому князю Алексею Александровичу как преемнику великого князя письмо, в котором “нужно бы сказать новому начальнику несколько сочувственных слов о флоте вообще и просить его об исходатайствовании наград для некоторых из Ваших подчиненных”, а затем опубликовать это письмо в качестве последнего послания морскому ведомству. В проекте письма Головнин сам представил список предполагаемых к награде сотрудников морского ведомства, причем “не включил в этот список лиц, которым, по всей вероятности, было бы отказано или пожаловано с неудовольствием и которых поэтому лучше не под-

вергать оскорблению и ставить в ложное положение”; вместе со списком Головнин давал своему патрону несколько советов, что именно должно было быть сказано в письме (РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 348. Л. 72–73). Несмотря на одобрение идеи Константином Николаевичем, письмо напечатано не было. Объясняя причину этого великому князю, Головнин передавал ему слова А.А. Пещурова, уверявшего, что “это произошло собственно оттого, что в письме были похвалы его высочеству [великому князю Алексею Александровичу – А.П.] и что ему было конфузно объявлять себе похвалы. Я верю, что в этом случае дурного намерения не было” (РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 348. Л. 153). Великий князь, впрочем, подобным объяснением не удовлетворился и в отсутствие «дурного намерения» не поверил; Головнину он возмущенно писал: “И так им не довольно прогнать генерал-адмирала, они еще сознательно лишают его возможности сказать последнее прости тому флоту, которому он посвятил всю свою жизнь!” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1118. Л. 36об.). Действительно, в отличие от Милютин, который накануне отъезда успел попрощаться с военным ведомством, посетив, к примеру, военные гимназии, Инженерное училище, Пажеский корпус и Военно-юридическую академию (Милютин, 1879–1881, 2010. с. 341–342), великому князю этого сделать не удалось.

Свое прощание с Государственным советом Константин Николаевич поручил государственному секретарю Е.А. Перетцу, с которым и после отставки поддерживал переписку. Ему же он поручил от его имени рекомендовать своему преемнику служащих государственной канцелярии: “Прошу Вас и всей Государственной Канцелярии передать мое искреннее спасибо за эти 16 лет нашей совместной работы, – писал великий князь Перетцу. – Сделайте это как-нибудь неофициально, что всегда холодно, но сделайте так, чтобы все чины Государственной Канцелярии поняли, что их благодарит не казенным образом их старый начальник, а человек, который в течение 16 лет был, можно сказать, ежедневным свидетелем их неутомимой и добросовестной службы. Спасибо им от души: и статс-секретарям, и их помощникам, и всем и высшим и низшим труженикам. Рекомендуйте их от меня брату и скажите ему что все, что он делает для них, я приму как личную для себя награду (РГИА. Ф. 851. Оп. 1. Д. 52. Л. 19об.–20). Таким образом, великий князь и в этом случае избежал личного общения со своим братом в качестве преемника на посту.

В отличие от бывших руководителей морского и военного министерств, Лорис-Меликов с просьбой о бывшем соратнике обратился к своему преемнику не напрямую, а прибег к посредничеству другого бывшего коллеги – товарища министра внутренних дел М.С. Каханова. Объясняя причину, по которой он не обратился напрямую к Н.П. Игнатьеву, с которым был хорошо знаком, Лорис-Меликов писал, что “просьбы о награждении бывших подчиненных лиц, направленные предместником к преемнику, крайне щекотливы и могут иметь вид вторжения в чужие дела... посредничество несомненно должно будет устранить эту деликатную сторону вопроса” (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3331. Л. 1). Следующую просьбу о содействии подобного же рода Лорис-Меликов адресовал, впрочем, уже лично Игнатьеву; на этот раз речь шла не о помощи действующему сотруднику министерства, а о пенсии и заграничном паспорте (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3331. Л. 15об.–18об.).

Личные просьбы и служебные дела

Лорис-Меликов, переживая о событиях 1 марта и неудаче своего проекта, отстранение от руководства министерством внутренних дел переносил далеко не так болезненно, как руководившие морским и военным министерством почти в течении четверти века Константин Николаевич и Милютин. Тем интереснее переписка Лорис-Меликова с Игнатьевым, слухи об интересе которого к другому посту – посту министра иностранных дел – довольно широко разошлись по Петербургу (Лукоянов, 2000, с. 46–47). Еще летом 1881 г. в письме к Лорис-Меликову Игнатьев, действующий министр внутренних дел, заявлял: “Тяжелое и несносное бремя ты мне передал (и я ежедневно вздыхаю по Государ[а]ю Императоре, где жилось мне лучше и легче!)”; он же жаловался, что к этой должности он “никогда не готовился и которая не соответствует всему

...[его] прошлому” (ГАРФ. Ф. 569. Оп.1. Д. 179. Л.1об.; 3об–4). Лорис-Меликов в ответ рассказывал о своей поездке к матери Игнатъева; по его словам, она была “очень озабочена трудною службою” сына и даже обвиняла Лорис-Меликова в том, что он “впутал [его] в это дело” (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3331. Л. 16об.). Такие близкие отношения между отставным министром и его преемником не мешали, впрочем, Лорис-Меликову использовать положение отставного сановника в своих целях. В частности, он обращался к Игнатъеву по делу, касающемуся армянской церкви, прося министра “ускорить рассмотрением в Комитете министров дела о восстановлении попечительского совета над имуществами армянской церкви в Петербурге”. Сам Лорис-Меликов, будучи министром внутренних дел, “признавал неудобным” формировать решение этого вопроса как “армяно-григорианин и прихожанин церкви”. Объясняя свое обращение к преемнику, он писал: “Для тебя этой запятой не существует, и потому можешь совершить вполне справедливое дело, не рискуя подвергнуться нареканиям в пристрастности или принадлежности к одной из спорящих сторон” (ГАРФ. Ф. 730. Оп.1. Д. 3331. Л. 12–13).

Особо просьбами своему преемнику Михаил Таризлович не докучал. “Зная, в какой мере ты занят делом и какая масса разнородных посетителей осаждает ежедневно министра внутр[енних] дел, – писал он Игнатъеву, – я всячески избегаю быть назойливым; иначе, пользуясь свободным временем, мог бы, чуть ли не каждый день, посылать тебе целые фолианты не только писем, но даже и проектов” (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3331. Л. 15). Это, впрочем, не мешало ему просить министра помочь в решении своих более-менее личных проблем. Именно у Игнатъева Лорис-Меликов просил помощи в разрешении ситуации с городской думой Санкт-Петербурга, которая “возбудила конкурс об избрании [его] почетным гражданином”. Сам Лорис-Меликов эту просьбу характеризовал как официальную, заранее извиняясь за ее изложение в частном письме. Обеспокоенный, что такая честь могла быть превратно истолковано в столице, он умолял Игнатъева поспособствовать отказу думы от подобного решения: “Сердечно признателен тем лицам, – писал он Игнатъеву, – которые хотели сделать мне эту честь, я, при всем том, решительно желаю, по многим соображениям, отклонить подобное избрание. Обращаюсь поэтому к мощному и дружескому содействию твоему, прося отнюдь не давать дальнейшего хода означенному делу. Надеюсь, исполнишь мою просьбу тем способом, который признаешь наиболее удобным и приличным” (ГАРФ. Ф. 730. Оп. 1. Д. 3331. Л.8 – 8об.). Игнатъев заверил, что показал письмо “кому следует, чтобы видно было, откуда почин”, и в целом поручение выполнил (ГАРФ. Ф. 569. Оп. 1. Д. 179. Л. 1об.).

Ведомств великий князь Константин Николаевич и Милютин напрямую с новым руководством ведомств практически не общались. Заочно великий князь Константин Николаевич периодически возмущался стилем руководства племянника Морским министерством, сетовал, что тот “души (...) в это дело не кладет” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1120. Л. 2-2об.), а также мало времени уделяет поездкам, ни разу за зиму 1881/1882 г не посетив, например, Кронштадт. Попытки Константина Николаевича повлиять на племянника при личной встрече в Крыму ни к чему не привели. К слову, о равнодушии великого князя Алексея Александровича к флоту заявлял и другой сановник, занимавший руководящий пост в морском ведомстве – назначенный в 1882 г. на пост управляющего Морским министерством вице-адмирал И.А. Шестаков (Шестаков, 2013, с. 32). Несмотря на отсутствие личного общения, отношения с ним у отставного великого князя были довольно напряженными.

Неоднозначность ситуации была в том, что до определенного момента отставной великий князь был единственным обладателем высшего в империи флотского звания генерал-адмирала, что вызывало немалый интерес и у самого Константина Николаевича, и у А.В. Головнина, и у управляющего морским министерством; Головнин писал Константину Николаевичу о том, что в Петербурге “много толкуют, могут ли быть одновременно несколько генерал-адмиралов, как генерал-фельдмаршалов, или должен быть только один и бывали или нет примеры многих одновременно” (РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 348. Л. 20об.–21). Шестаков, бывший соратник великого князя, относящийся теперь к нему довольно настороженно, вопрос о присвоении звания генерал-

адмирала великому князю Алексею Александровичу поднимал едва ли не с момента своего назначения на должность управляющего министерством; его усилия увенчались успехом, и с мая 1883 г. в Российском флоте было два генерал-адмирала – дядя и племянник.

Великий князь Константин Николаевич, сохранив статус генерал-адмирала и интерес к происходящему в столице, своим интересом невольно ставил своих бывших коллег и знакомых в несколько стесненное положение. Особенно осторожен в моментах, которые касались великого князя, был как раз И.А. Шестаков. Сохраняя, возможно, всё же какую-то привязанность к своему бывшему начальнику, он оказался между двух огней; о своих беседах с великим князем Алексеем Александровичем относительно преобразований во флоте он записывал в дневнике: “Хочется сказать, чтобы не очень доверялись дядюшке, но и хочется и колетя – с одной стороны, боюсь повредить Константину, с другой, опасаясь, чтобы не подумали, что играю в двойную игру; ибо письма его, конечно, распечатывают и, видя там мое имя, могут подумать, будто я с ним в сношениях” (Шестаков, 2013, с. 16). В отличие от внушительного числа своих коллег, переписки с великим князем он не вел и опасался любого упоминания себя рядом с именем бывшего начальника. На предложение вице-адмирала А.А. Попова вступить в переписку с генерал-адмиралом Шестаков ответил возмущенным отказом, а после чтения последним ему вслух письма Константина Николаевича записывал в дневнике: “Чего он от меня хочет? Чтобы я, *roi des beaux yeux* [за красивые глазки], навлек на себя гнев государя? За что я буду жертвовать собою и отделяться от воззрений царя, мне симпатичных, следуя воззрениям генерал-адмирала, совершенно мне противным” (Шестаков, 2013, с. 24).

С высшим руководством флота общение у великого князя не складывалось, однако это не мешало ему, проживая в летние месяцы в Крыму, участвовать в смотрах кораблей, состоящих на рейде в Ялте, и беседовать с их командирами. Уже упомянутый выше вице-адмирал Попов в переписке с великим князем периодически сообщал ему о происходящем в морском ведомстве, часто – по собственной инициативе; например, к письму великому князю в июне 1881 г. он приложил копию собственной записки, “представленной [Поповым] управляющему министерством по поводу разосланной им программы кораблестроения” (РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 387. Л. 5). Вице-адмирал не ошибался в интересе великого князя ко всему происходящему во флоте; в письмах к Головнину Константин Николаевич нередко излагал свое видение проблем флота. Любовь Головнина (да и других коллег великого князя) как к выпискам из писем генерал-адмирала, так и к прочтению их вслух, способствовала тому, что мнение бывшего руководителя Морского ведомства в том или ином виде доходило до столицы.

При этом Константина Николаевича интересовали не только бюрократические подробности, но и личные взаимоотношения сотрудников морского министерства. Например, даже не общаясь с Шестаковым, генерал-адмирал так или иначе пытался повлиять на него. Узнав, что Попов полностью прочитал Шестакову письмо великого князя, в котором тот в шутку называл обоих своих бывших подчиненных “индейскими петухами” и завещал им не ссориться, Константин Николаевич с удовлетворением заметил, что “это письмо... весьма полезно и для Шестакова” (ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119. Л. 87об.).

Далеко не столь обширной, но не менее значимой для отставного сановника была переписка по делам своего ведомства Д.А. Милютин. В письмах к нему Н.Н. Обручев рассказывал о делах министерства, в частности, о попытках сокращения бюджета и о реорганизации кавалерии (НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Д. 61. Л. 4, 8об.); периодически начальник Главного штаба просил у Милютина высказать его мнение: “боюсь сделать что-нибудь неосмотрительное”, – так он один раз оправдал подобную просьбу. Обручев, в свою очередь, утешал Милютина, что «управление, как и вся система, будет лишь реформирована и, надеюсь, без особенной ломки» (НИОР РГБ. Ф.169. Карт.71. Д. 61. Л.10). Несмотря на то, что лично Обручева Милютин уважал, его уверениям он не придавал большого значения, с горестью заявляя в апреле 1882 г.: “какое значение может иметь мой голос, когда предрешено во что бы то ни стало ломать все, что было создано в прошлое царствование” (НИОР РГБ. Карт.51. Ед. хр. 91. Л.2об.–3).

Собственное бессилие в подобной ситуации Милютин прекрасно осознавал, однако на вмешательство в свою «тихую» жизнь после отставки реагировал довольно резко. Бывший военный министр остался недоволен, получив письмо своего преемника П.С. Ванновского с приложением записки о тех изменениях, которые предполагалось внести в военно-судебный устав, и предложением изложить свое мнение по этому поводу, “и притом не позже, как в месячный срок. Подобное обращение он расценил как “бесцеремонное”: даже предваряют меня, – возмутился он, – что и впредь, по доставлении мне последующих записок по тому же предположению о преобразовании военно-судебной части, следует отвечать в тот же месячный срок”. Осознавая, что к нему это письмо попало “по ошибке”, он все же не воспользовался представившейся ему уникальной возможностью официально заявить свою позицию (НИОР РГБ. Карт.51. Д. 91. Л.2об. – 3; Милютин 1882–1890, 2010, с. 32–33).

Выводы

И великий князь Константин Николаевич, и Д.А. Милютин, и М.Т. Лорис-Меликов сохранили после отставки интерес к происходящему в столице. Наибольшим вниманием к судьбе флота и Государственного совета отличался великий князь Константин Николаевич. Первоначально попытавшийся уйти от обсуждений жизни военного ведомства Д.А. Милютин довольно скоро отказался от этих попыток, причем немалую роль в этих переменах сыграл его постоянный корреспондент А.В. Головин. Меньше всего интересовался делами в столице Лорис-Меликов (единственный, впрочем, из перечисленных деятелей, кто так или иначе сохранил желание вернуться в столицу и даже участвовать в политической жизни).

Общение с непосредственными преемниками складывалось у этих трех деятелей совершенно по-разному. Лорис-Меликов благодаря давнему знакомству с Н.П. Игнатьевым периодически включал в их личную переписку полуофициальные просьбы. Особенности взаимоотношений с преемниками (некрасивая ситуация с «временным» назначением великого князя Алексея Александровича на пост главы морского министерства, расхождения во взглядах на реформирование флота Константина Николаевича и И.А. Шестакова, неоднозначное отношение Милютина к назначению на его место Ванновского) способствовали тому, что эти сановники в основном общались по профессиональным вопросам с деятелями более низкого звена. В то же время авторитет бывших руководителей военного и морского ведомств нередко позволял им давать советы оставшимся на службе коллегам, а традиция чтения писем широкому кругу лиц давала возможность донести позицию отставных министров до руководства.

Литература:

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 722. Оп. 1. Д. 1118.
2. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1119.
3. ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 1120.
4. ГАРФ. Ф.730. Оп. 1. Д. 3331.
5. ГАРФ. Ф. 569. Оп.1. Д. 179.
6. НИОР РГБ (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 169. Карт. 51. Д. 88.
7. НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 51. Д. 90.
8. НИОР РГБ. Ф. 169. Карт.51. Д. 91
9. НИОР РГБ. Ф. 169. Карт. 71. Д. 61.
10. РГАВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота). Ф. 224. Оп. 1. Д. 348.
11. РГАВМФ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 387.
12. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 851. Оп. 1. Д. 52. Л. 19об.–20.
13. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. 511 с.

14. Коршунов Ю.Л. Генерал-адмиралы Российского императорского флота. СПб., 2003. 320 с.
15. Лукоянов И.В. Н.П. Игнатьев и его воспоминания // Игнатьев Н.П. Земский собор. СПб. – Кишинев, 2000. 191 с.
16. Милютин Д.А. Дневник генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина. 1879–1881. М., 2010. 598 с.
17. Милютин Д.А. Дневник генерал-фельдмаршала Д.А. Милютина. 1882–1890. М., 2010. 582 с.
18. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания (1838–1881 гг.). СПб., 2006. 781 с.
19. Шестаков И.А. Полвека обыкновенной жизни. Дневники (1882–1888 гг.). СПб., 2013. 598 с.
20. Шевырев А.П. «Вы» и ты»: великий князь Константин Николаевич и А.В. Головнин в переписке // Вісник Чернігівського університету імені Т.Г. Шевченка. Серія: Історичні науки, том 87, 2011. № 8, с. 201-206.

Прилуцкая Анна Борисовна. E-mail: pril.an.91@mail.ru

Дата поступления 07.05.2018

Дата принятия к публикации 10.07.2018

PECULIARITIES OF RELATIONS BETWEEN RETIRED MINISTERS AND THEIR SUCCESSORS AT THE BEGINNING OF THE EMPEROR ALEXANDER'S III REIGN (GRAND DUKE KONSTANTIN NIKOLAEVICH, D.A. MILYUTIN, M. T. LORIS-MELIKOV)

DOI: 10.25629/HC.2018.07.04

PRILUTSKAYA A.B.

Moscow state University named after M. V. Lomonosov. Moscow

Abstract. The article considers the features of the relations between the three major political figures who left their posts as a result of the "ministerial crisis" of the spring of 1881 – Grand Duke Konstantin Nikolaevich, D.A. Milyutina and M.T. Loris-Melikov – with their successors in the departments. On the basis of sources of personal origin, situations are analyzed whereby retired ministers in one way or another contacted with "their" departments. Long-standing friendship between Loris-Melikov and his successor on the post of the Minister of Internal Affairs, N.P. Ignatiev was conditioned by their friendly communication. Being in more difficult relations with their successors, Konstantin Nikolayevich and Milyutin, communicated more with their lower-ranking colleagues, but their authority in the professional environment and the tradition of reading fragments from letters to a wide range of people enabled them to convey their thoughts and impressions about what is happening in the capital to the leaders of the departments. Understanding how the communication of the retired ministers with the leadership of "their" ministries was built up, how they reacted to official and unofficial appeals to them, how they used their retired position, gives material to answer the question of how strong the interest of these figures in the continuation of the political activities after retirement.

Keywords: Russian Empire, bureaucracy, retired dignitaries, "ministerial crisis" in 1881, correspondence, Grand Duke Konstantin Nikolaevich, D.A. Milyutin, M.T. Loris-Melikov.

References:

1. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). F. 722. Op. 1. D. 1118.
2. GARF. F. 722. Op. 1. D. 1119.
3. GARF. F. 722. Op. 1. D. 1120.
4. GARF. F.730. Op. 1. D. 3331.
5. GARF. F. 569. Op.1. D. 179.

6. NIOR RGB (Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki). F. 169. Kart. 51. D. 88.
7. NIOR RGB. F. 169. Kart. 51. D. 90.
8. NIOR RGB. F. 169. Kart. 51. D. 91
9. NIOR RGB. F. 169. Kart. 71. D. 61.
10. RGAVMF (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv voenno-morskogo flota). F. 224. Op. 1. D. 348.
11. RGAVMF. F. 224. Op. 1. D. 387.
12. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv). F. 851. Op. 1. D. 52. L. 19ob.–20.
13. Zajonchkovskij P.A. *Krizis samodержavija na rubezhe 1870–1880-h godov* [Crisis of autocracy at the turn of the 1870-1880]. Moscow, 1964, 511 p.
14. Korshunov Ju.L. *General-admiral Rossijskogo imperatorskogo flota* [Admiral-General of the Russian Imperial fleet]. St. Petersburg, 2003, 320 p.
15. Lukojanov I.V. N.P. Ignat'ev i ego vospominanija [N. P. Ignatiev and his memories]. Ignat'ev N.P. Zemskij sobor [Ignatiev N. P. The Zemsky Sobor]. St. Petersburg, Kishinev, 2000, 191 p.
16. Miljutin D.A. *Dnevnik general-fel'dmarshala D.A. Miljutina* [Diary of field Marshal General D. A. Milyutin]. 1879-1881. Moscow, 2010, 598 p.
17. Miljutin D.A. *Dnevnik general-fel'dmarshala D.A. Miljutina* [Diary of field Marshal General D. A. Milyutin]. 1882-1890. Moscow, 2010, 582 p.
18. Shestakov I.A. *Polveka obyknovennoj zhizni. Vospominanija (1838–1881 gg.)* [Half a century of ordinary life. Memories (1838-1881)]. St. Petersburg, 2006, 781 p.
19. Shestakov I.A. *Polveka obyknovennoj zhizni. Dnevniki (1882–1888 gg.)* [Half a century of ordinary life. Diaries (1882-1888 gg.)]. SPb., 2013. 598 p.
20. Shevyrev A.P. "Vy" i ty": velikij knjaz' Konstantin Nikolaevich i A.V. Golovnin v perepiske ["You" and you": Grand Duke Konstantin Nikolaevich and A.V. Golovnin in correspondence]. *Visnik Chernigivc'kogo universitetu imeni T.G. Shevchenka. Serija: Istorichni nauki*, vol. 87, 2011, no. 8, pp. 201-206.

Prilutskaya Anna Borisovna. E-mail: pril.an.91@mail.ru

Date of receipt 07.05.2018

Date of acceptance 10.07.2018